

Лицо Чжао Цина выражало крайнее недовольство, вид у него был такой, что стоит сказать хоть слово поперек — и он тут же свернул бы лапку этой птице.

Обычный человек в подобной ситуации давно бы испугался, но Су Юэ ни капли не страшился.

Судя по опыту, накопленному в прошлых жизнях, стоило лишь немного польстить, сказать пару ласковых слов и проявить мягкость, как этот человек тут же сменял гнев на милость.

В конце концов, Чжао Цин сам первый его соблазнил.

Мужчина, который сам лег под него, да к тому же объект под прикрытием — тот, кто в будущем неминуемо будет арестован и отправлен в тюрьму, пополнив послушной список побед и став ступенькой на пути к повышению.

Су Юэ не делал попыток вырвать зажатую в тисках руку, его прохладные кончики пальцев тихонько скользнули по груди Командира, а в голосе прозвучала хрипотца:

— Я оговорился. Разве может здесь быть пресно? Только у белого мяса достаточно сочный вкус.

Если откусить кусочек, доберешься даже до темно-красного костного мозга — этот вкус заставляет смаковать его снова и снова.

Чжао Цин от его выходок вспылал гневом, но хромая нога сильно ограничивала движения, поэтому он решительно разжал пальцы, чтобы эта птичья лапка перестала шарить там, где не положено.

Су Юэ воспользовался моментом, чтобы быстро оценить степень повреждений этого тела. Убедившись, что у него огнестрельное ранение ноги, а на пояснице и плече имеются царапины, он заключил, что в остальном всё в порядке.

Су Юэ тихо пояснил:

— В лазарете ничего нельзя сделать. Убедившись, что с тобой всё хорошо, я могу успокоиться.

Су Юэ забрал руку назад, невозмутимо запахнул распахнутый халат Командира и подтянул одеяло чуть выше — вылитый домашний заботливый муж.

Дело было вовсе не в том, что Су Юэ не верил в тех людей. В прошлой жизни Чжао Цин оказался в куда более плачевном положении, однако в конце концов выжил, а те, кто устроил на него засаду и покушение, дружно отправились на тот свет.

Чжао Цин приподнял бровь:

— Ты появился сюда среди ночи только для того, чтобы навестить больного?

Если бы в этот момент кто-то решил воспользоваться случаем и совершить покушение, возможно, оно и впрямь вновь закончилось бы провалом.

Ему еще предстояло передать отчет вышестоящему руководству, а времени в обрез.

Чжао Цин приподнял подбородок, указывая на загипсованную ногу, и произнес:

— И это ты называешь всё в порядке?

Увидев такое представление, Чжао Цин скривил губы в подобии улыбки:

— Ну что, уже наобнимался? Разве ты не собирался еще и потискать меня?

Су Юэ убавил яркость лампы и сказал:

— Твое тело все еще ослаблено, отдохни пораньше.

Су Юэ неторопливо ответил:

— Сохранить жизнь, обойтись без инвалидности — значит, всё в порядке.

Чжао Цин разглядывал мужчину в лучах света и, казалось, совершенно небрежно обронил:

— Днем у тебя был конфликт с Сяо Танем?

Су Юэ слегка замер, легко усмехнулся и произнес:

— Ничего серьезного. Замкомандира не выносит меня уже далеко не первый день.

Чжао Цин с ним не согласился:

— Сяо Тань — боевой медик. Наладить с ним хорошие отношения означает получить еще одну жизнь на поле боя.

Су Юэ никогда не возлагал надежды на других людей, будь то одна жизнь или несколько. Он

ответил:

— Неважно. Меня это не волнует.

Чжао Цин холодно поднял взгляд:

— Это касается стабильности отряда. В период передышки вы обязаны разрешить накопившиеся проблемы.

Су Юэ спокойно парировал:

— Белый Голубь — заместитель командира, неужели я могу заставить его насильно кланяться и извиняться? Или ты считаешь, что во всем виноват только я?

Многие в наемническом отряде знали, что Белый Голубь то и дело ставит под сомнение темное прошлое Попугая, подозревая, что того подослали в качестве шпиона.

Жаль только, что в прошлой жизни Белый Голубь так и не добыл доказательств до самой смерти, пока Су Юэ в конце концов сам не раскрыл себя, повергнув всех в шок и заодно отправив Командира за решетку.

Глядя на этого прикормленного Попугая, который растерял всю свою прежнюю послушность первых дней, Чжао Цин невольно мысленно выругался: столько усилий он приложил вовсе не для того, чтобы Су Юэ лишился лишней подушки безопасности.

На поле боя свистят пули, у клинков нет глаз, и ранения там — дело привычное.

Боевые медики отряда изо всех сил стараются спасти людей, но делать всё возможное и выкладываться на полную — это совершенно разные вещи.

Чжао Цин сдержанно произнес:

— Я заставлю Сяо Таня прийти и нормально поговорить. Кому положено — признает вину, кому положено — извинится. Если совсем не можете выразить это словами — поддержите, но вы не должны продолжать упрямяться друг против друга.

Су Юэ нахмурился:

— Во всяком случае, проблема не во мне. Лучше я просто устраню его, и тогда никаких проблем не останется.

Чжао Цин едва не рассмеялся от злости:

— Ты всё еще затаил обиду за то, что он вечно на тебя жалуется?

Су Юэ покачал головой:

— Пусть делает что хочет, любит жаловаться — пускай жалуется, мне абсолютно всё равно. Писать рапорты руководству — обычная процедура, главное — придерживаться фактов, и нет причин за это на кого-то затаивать злобу.

Даже будучи агентом под прикрытием, Су Юэ оставался принципиальным человеком и не опускался до мелочных счетов с наемниками, у которых даже не было официального статуса.

— Вот как? — В узких глазах Чжао Цина мелькнул какой-то странный подтекст. — И правда не возражаешь?

Су Юэ держался с широким размахом: настоящий мужчина отвечает за свои поступки, у каждого найдется капля непоколебимой гордости.

Чжао Цин откинулся на изголовье кровати, явно предвкушая ночное развлечение, и произнес:

— Тогда подойди и поделись: как именно Командир обычно балует тебя, защищает и любит? И сколько ревнивых сцен ты успел устроить?

Су Юэ:

— ...

Сяо Тань, ну ты и доносчик!

<http://bllate.org/book/22063/2294184>